

Дина Верни в 17 лет.

Нечасто удается увидеть человека в его звездный час. Я никогда не забуду маленькую женщину в длинном черном пальто, которая сидела на обычном стуле посреди бронзовых скульптур и с сияющим лицом принимала поздравления по случаю открытия ее собственного музея современного искусства. Утром ее поздравлял президент Франсуа Миттеран, сейчас это были ее друзья: художники и коллекционеры. Подошел Оскар Рабин, поцеловал ее и сказал: «Дина, ты понимаешь, что это великий день в твоей жизни?»

Мы привыкли к тому, что музеи открывают и создают магнаты и миллиардеры, иногда сами художники, достигшие необычайного успеха, например, Марк Шагал и Сальвадор Дали. Но чтобы создателем музея была бывшая модель художника, пусть и ставшая его Музой, такого случая, пожалуй, еще не было. В самом названии «Музей Майоля. Фонд Дины Верни» отражена эта необычайная история.

Дине было пятнадцать лет, Майолю — 73, когда она вошла в его жизнь и творчество. По совету одного из своих друзей, архитектора Донделя, однажды в воскресенье утром она отправилась в воскресенье с вокзала Сен-Лазар в маленький городок Марли-Ле-Руа, где работал знаменитый скульптор. С юмором вспоминает теперь Дина Верни о своей первой встрече с Мастером: «Мне сказали, что он

Великий день Дины Верни

В Париже открылся музей Майоля

очень стар и у него седая борода. В саду беседовала группа мужчин. Я представилась тому, у кого была самая внушительная борода. Не повезло. Это был Ван Донген».

Возможно, и Галатея именно так изобразила бы Пигмалиона, но мы-то можем представить себе потрясение скульптора от встречи с живой Галатеей, в блеске ее ранней юности, притом Галатеей с ясным умом, врожденным вкусом, энергией, любопытством и жаждой жизни.

С этого момента Дина становится единственной моделью Майоля, его Музой. Последний период жизни скульптора, с 1934 по 1944, — самый продуктивный! Он достигает в своих скульптурах эмоциональной простоты, стоящей почти на грани совершенства. Недаром он говорил, что Дина явилась ему с неба. Уже в работах 20-х годов он предвидел этот образ женственности, который реализовался потом в Дине.

На самом деле она спустилась не с неба, а из советского «рая», из Одессы, откуда ее родители бежали в 1926 году.

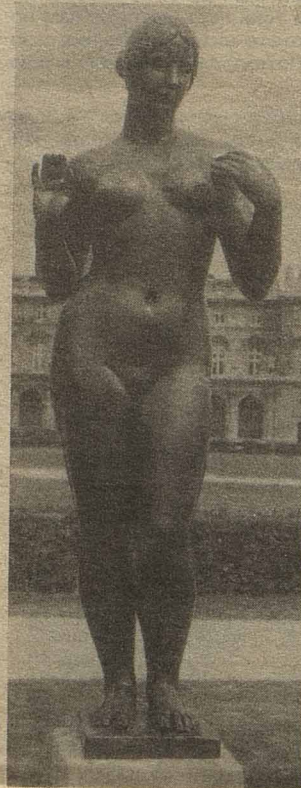
Париж сразу стал для нее родным домом, как позже для многих художников из Советского Союза. Не случайно именно в Париже возникло многонациональное сообщество живописцев и скульпторов, названное впоследствии «Парижской школой». К этому сообществу принадлежали и Майоль, и Матисс, и Рауль Дюфи, и им всем позировала в юности Дина Верни.

В этом кружке формировались ее вкусы, ее взгляды на искусство. Но чем же объяснялось ее влияние на них? В чем был ее секрет?

Дело в том, что сама Дина была яркой артистической натурой. Я не знаю, почему она скрывает от официальных биографов свой талант. Она пела с детства и даже недолгое время после войны была про-

фессиональной певицей, ведь недаром после путешествия в СССР, в семидесятые годы, она выпустила пластинку под названием «Блатные песни». Превосходная пластинка, и голос у Дины замечательный.

Но вернемся к началу войны. Нетрудно понять, что эмоциональная Дина стала участницей Сопровож-

Майоль. Венера. 1918—1929.

ления. Она оказалась в группе, которая по случайности носила кодовое название «Майоль». Сам скульптор некоторое время ни о

чем не догадывался. Но однажды Дина призналась ему, что она должна перевести группу иностранцев-антифашистов через границу в Испанию, но плохо знакома с горными тропами. «Вот твой путь к свободе», — сказал он, проводив до самой границы. Более того, он разрешил воспользоваться своим ателье, которое было расположено в горах.

Дважды за время войны Дину арестовывали: сперва власти Виши, затем немецкое гестапо, и оба раза ее спасал Майоль.

Ее великий друг и покровитель не дождался окончания войны. Он погиб в автомобильной катастрофе, поехав навестить Рауля Дюфи. Все свои работы он завещал Дине.

Через три года по совету Матисса и Бюшера Дина Верни открыла галерею на улице Жакоб. Ее первые выставки были посвящены творчеству Пикассо, Матисса, Лоранса и неизвестному тогда русскому художнику Сержу Полякову.

Интерес к французской школе рос стремительно, дела шли хорошо, и в 1964 г. Дина смогла выполнить предсмертное желание Майоля — 18 больших бронзовых скульптур были подарены ею французскому государству и установлены в залах Тюильри. Недавно к ним добавились еще две скульптуры. Широкая французская публика с удивлением и восторгом обнаружила гений Майоля, мало известный до сего времени.

Майоль вел замкнутый образ жизни, чуждался светских вечеров и неутомимо работал до самой смерти; естественно, что он не успел вкусить славы при жизни.

Но она пришла к нему посмертно, благодаря Дине Верни. Все крупнейшие музеи мира жаждали иметь в своих коллекциях копии скульптур, установленных в Тюильри, но каждая из них, по принятым правилам, имела строго ограниченный «тираж» — 12 экземпляров.

Именно тогда и родилась у Дины Верни эта великолепная и, может быть, безумная идея — создать в центре Парижа музей Майоля. 14 лет назад, помню, как она говорила о своем будущем музее. Думаю, что она обсуждала это с сотнями людей. И уже тогда многие ее выставки строились с перспективой на этот музей.

Место для него она нашла превосходное. Улица Гренель, дом 59. Она сама жила в этом доме, но когда там освободилось несколько квартир, она их купила. Понемногу в ее распоряжении оказался весь особняк. Построенный в 18-м веке, он был известен тем, что в нем когда-то жил Альфред де Мюссе с матерью, а после Второй мировой войны размещалось знаменитое кабаре Пьера Превера.

«Этот музей, — говорит Дина Верни, — моя мечта, которая материализовалась. Надо быть немного сумасшедшим и иметь огромное терпение, хорошую дозу стоицизма, чтобы достичь своей мечты».

Бесспорно, центральное место в музее занимают создания Майоля. Уже в самом начале экспозиции посетители встречают четыре бронзовых композиции: «Три Грации», «Бол», «Река» и «Скованное действие». Следом открывается выставка трех братьев Дюшанов. Рядом с ними находятся маленькие залы, посвященные творчеству нескольких современных художников, которых прежде называли «неконформистами», а нынче величают концептуалистами. Их четверо: Эрик Булатов, Илья Кабаков, Оскар Рабин, Владимир Янкилевский.

Несмотря на соседство с великими именами — Роденом, Матиссом, Кандинским — московские художники не затерялись среди славных теней. И это отмечают все критики. И для самих русских художников, и для музея включение их работ в постоянную экспозицию — большое событие.

Музей отобрал четыре картины Эрика Булатова, одна из них — знаменитый автопортрет, послуживший афишей на выставке русского авангарда в 1973 г. в галерее Дины Верни. В те времена эта афиша красовалась по всему Парижу почти два месяца.

ВАДИМ НЕЧАЕВ

Париж